

Другие известия «о ташкентских обращениях» Верхотуров получил через купца С. Малкова, находившегося там с торговлей. Купец информировал разведчика о том, что, по показаниям русского пленного казака в Ташкенте, там находится «с 300 российских пленными», захваченных «в степи» и проданных в рабство. Но переписать их не смог, так как «не учен грамоте». Он же сообщил Верхотурову, что в августе 1750 г. ташкентский правитель Парванаяк был осажден в находившейся в городе «крепостце» казаками. Но, сделав вылазку, люди Парванаяка прорвали блокаду и с помощью местного населения сумели разгромить их¹⁷.

В целом разведывательная деятельность А. Верхотурова и других российских агентов, находившихся в Джунгарии незадолго до ее гибели, в отличие от китайских лазутчиков, не носила подрывного диверсионного характера. Ее целью был сбор сведений о соседнем, некогда могущественном государстве, занимавшем важное геополитическое положение в Центрально-Азиатском регионе, которое, несмотря на соперничество с Россией в Южной Сибири и отдельные враждебные акции, продолжительное время являлось ее важным

стратегическим партнером и буфером в отношении с Китаем. Регулярно получаемая информация о состоянии дел в Джунгарии и сопредельных с ней государствах позволяла Российской империи оказывать влияние на международные отношения, складывающиеся в Центральной Азии, отстаивать свои интересы и отвечать на возникающие угрозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моисеев В.И. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (очерк внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998.
2. Потанин Г.Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Чтения Общества истории древностей российских. М., 1868. Кн. 2.
3. Каменецкий И.П. Джунгарский пленник Иван Сорокин: из жизни сибирского дворянина // Из кузнецкой старины. Новокузнецк, 2012. Вып. 3.
4. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1983.
5. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М., 1979.

Статья поступила
в редакцию 31.01.2013

УДК: 94(47).073

Е.В. КОМЛЕВА

СОВРЕМЕННОКИ О НАЧАЛЕ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1830-е гг.)

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: feodal@history.nsc.ru

В статье на основе «Наблюдений за общим ходом частной золотопромышленности по Восточной Сибири» неизвестного автора, датированных 1837 г., рассматривается начальный период развития золотодобычи в Восточной Сибири. Анализируются взгляды современников на проблемы, которые новая отрасль ставила перед регионом.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, золотопромышленность, экономика, злоупотребления, моральные устои, ссыльнопоселенцы.

Обнаружение золота стало во многом переломным моментом в истории Сибири, так или иначе отразившимся на жизни большинства местного населения. Сами современники на начавшуюся золотодобычу смотрели по-разному: наряду с признанием потенциальной пользы новой отрасли промышленности для развития экономики региона известны и многочисленные негативные отзывы. Ведь именно в годы наибольшего подъема золотодобычи практически среди всех слоев общества, начиная от приисковых рабочих и заканчивая его верхами, расцвели такие пороки, как

пьянство и распущенность, а золото, в конечном счете, не принесло Сибири «ни процветания, ни благополучия» [1, с. 78].

К освещению золотой лихорадки обращались в своих публикациях непосредственные очевидцы событий: М.М. Карпинский [2], С.Ф. Соловьев [3], В.Д. Скарятин [4], М.Ф. Кривошапкин [5], Н.В. Латкин [6], И.С. Боголюбовский [7], А.И. Баркова [8], А. Уманский [9], В.И. Семевский [10], А.И. Кытманов [11]. Одна из наиболее ранних работ, посвященных начальному периоду золотопромышленности, – это находящиеся в фонде Кузнецовской золотопромышленной компании Государственного архива Красноярского

¹⁷ Л. 454–454 об.

края «Наблюдения за общим ходом частной золотопромышленности по Восточной Сибири» неизвестного автора, относящиеся к 1837 г. (ГАКК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–29. В дальнейшем ссылки на эту работу даются в тексте статьи с указанием в скобках листов). В этом интересном документе подробно изложена фактическая сторона развернувшейся золотодобычи, приводятся примеры ее воздействия на экономику и население региона, предлагаются меры по преодолению негативных явлений. Автор «Наблюдений...», безусловно, был хорошо информированным человеком, близким к кругам золотопромышленников, – документ изобилует многими конкретными деталями и статистическими сведениями. О непосредственных контактах автора с золотопромышленниками свидетельствует и то обстоятельство, что его сочинение попало к Кузнецовым – крупным красноярским купцам, занимавшимся разработкой золотых приисков. В целом этот труд можно назвать ярким примером публицистики первой половины XIX в., стремящейся отреагировать на злободневные вопросы сибиряков. Возможно, данная работа была предназначена для последующей публикации в одном из столичных журналов, поскольку в то время интерес к сибирской проблематике был очень высок.

Автор «Наблюдений...» прекрасно осознавал главные «сибирские» проблемы: малонаселенность региона, неразвитость промышленности и путей сообщения, наличие большого числа ссыльнопоселенцев и каторжников, что превращало Сибирь в «край, наполненный долговременным извержением пороков целого государства» (л. 20). Дело усугублялось плохой осведомленностью и неповоротливостью местных властей. Актуально и сегодня звучат слова о 1830-х гг.: «Теперешние сибирские начальства вообще слишком отстали от настоящего, слишком озабочены своими отчетами, прежними и ежедневно накапливающимися делами, чтоб иметь время на действительное управление краем...» (л. 22).

Что касается ссыльных, то в рассматриваемом документе приводятся следующие сведения об их численности: в 1837 г. в Тобольской губернии с Омской областью насчитывалось до 16 тыс. чел., в Томской – до 32 тыс., в Енисейской – до 31 тыс., в Иркутской – до 21 тыс. ссыльнопоселенцев. С 1823 по 1827 г., согласно данным Управления Сибирских Губерний, в Сибирь прибыло до 100 тыс. чел. На казенные поселения, устраивающиеся с 1829 г. в Енисейской губернии, до 1837 г. было отправлено более 15 тыс. чел. (л. 17–19). Известный исследователь сибирской золотопромышленности С.Ф. Хроленок пишет, что, по официальным данным, в 1819–1859 гг. в Сибирь ежегодно поступало от 6,6 до 7,8 тыс. ссыльных [12, с. 46]. Однако в «Наблюдениях...» отмечается, что данные официальной статистики зачастую расходились с реальностью – особенно это относилось к фиксированию побегов ссыльных, которых, по «официальным видам», насчитывалось совсем немного, «между тем, свободное бродячество большей части поселенцев по Сибири, самовольные их переходы из места в место, перемены

имен и другие, всем известные их извороты заставляяют полагать, что отчитывающиеся начальства заблуждаются в отношении своих сведений о ссыльных» (л. 17 об.). Автор добавляет, что «в Сибири нет казенного завода, из которого ежегодно не бежало и не укрылось бы навсегда, по крайней мере, до пятидесяти каторжных, которые, выведя с себя стемпелевые знаки и переменяя имена, свободно [могли] переходить в поселенцы» (л. 19).

Новая перспективная отрасль добывающей промышленности могла бы принести большую пользу для нейтрализации кризисных явлений и стать мощным стимулом для дальнейшего социально-экономического развития региона: «открытие золотых россыпей на обширном протяжении сибирских гор обещает пополнение государственного богатства... Соседство томских промыслов с Ачинским уездом, его собственные прииски, работы, производящиеся в Минусинском крае, надежды на присутствие золота в Енисейском округе, богатые и многочисленные открытия, сделанные в прошлом и настоящем годах в Канском и Нижнеудинском уездах, разольют выгоды, которыми надежда почти все обитатели Восточной Сибири» (л. 1). Надежда на такие выгоды была связана с тем, что необходимость обеспечения золотых приисков рабочей силой, продуктами питания и товарами первой необходимости послужит стимулом к подъему сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности, займет «праздную толпу развратных ссыльнопоселенцев».

Отчасти эти перспективы действительно оправдались: на золотых приисках Сибири в 1846–1860 гг. было занято от 24 до 35 тыс. рабочих, а удельный вес ссыльнопоселенцев в их числе составлял 82 % (1834 г.) [12, с. 41, 46]. Сами золотопромышленные районы стали новым рынком сбыта для местных купцов. Если еще в 1820-х гг. многие красноярские купцы вывозили продукты сельского хозяйства и животноводства для продажи в Иркутскую губернию [13, с. 19], то в 1830–1840-х гг. происходит резкая переориентация их торговли – отныне продукты питания не только перестали вывозиться из Енисейской губернии, но, напротив, производимое в ней не покрывало сполна растущие с каждым годом потребности золотых приисков. В 1832 г. вниз по Ангаре прошло лишь 10 мещанских лодок и 5 судов со свинцом, а в 1840 г. в Енисейск было отправлено уже до 60 судов с хлебом и другим провиантом для золотых приисков [14, с. 319]. Расширившийся рынок вызвал настоящую «революцию цен» [15, с. 254] на продукты сельского хозяйства. Так, с 1837 по 1843 г. цена на хлеб возросла более чем в 3 раза, достигнув высшей точки в 1847 г., на который пришелся пик расцвета золотопромышленности в Енисейской губернии [15, с. 253]. И если до открытия золотых промыслов огромные гурты скота, пасшиеся на равнинах Ачинского и Минусинского округов, не имели никакой цены и перегонялись для продажи в Иркутск, то в 1850-е гг. мясо стало даже ввозиться в Енисейскую губернию, на приисках которой в год потреблялось до 195 тыс. пуд. мяса (20 тыс. голов скота) [16, с. 539].

В годы расцвета золотодобычи сибирский «торговый мир заметно оживляется, появляются с коробками за плечами “офени”, а за ними и крупные коммерсанты» [17, с. 17–18]. Увеличение покупательных возможностей и запросов верхушки местного общества способствовало появлению в сибирских городах по-настоящему дорогих товаров. По словам В.А. Ватина, «золотопромышленность проложила пути в эти отдаленные края... для неведомых дотоле предметов роскоши, ...которые несколько лет тому назад были почти неизвестны или... чрезвычайно редки» [15, с. 254]. В период расцвета ленской золотопромышленности растет сеть магазинной торговли и в Иркутской губернии. В.П. Шахеров приводит свидетельства очевидцев: «Разбогатевшие золотопромышленники строили в городе новые особняки, конторы, магазины, приобретали предметы роскоши, словом, жили на широкую ногу, шумно и разгульно: крупная игра, новый театр, маскарады, балы, вечера, ели и пили много» [14, с. 250–251].

Однако, хотя золотопромышленность и вызвала расширение рынка сбыта промышленных изделий и продуктов сельского хозяйства, что было выгодно для местных производителей, именно в это время происходит угасание старых, традиционных видов промыслов – например, обработки железа в Енисейском округе [18, с. 49]. В тяжелом положении оказались и многие ремесла. Даже земледелие и скотоводство в местах, близких к приискам, резко сократились, поскольку «весь городской люд... обратился к операциям и промыслам, связанным с золотопромышленностью» [19, с. 246–247].

Кроме того, высокая концентрация сырьевых в новой отрасли промышленности, помимо привлечения их к труду, имела и обратную сторону – сформировался далекий от совершенства моральный облик золотостарателей. Вот зарисовка из быта рабочих середины 1830-х гг.: «Азартные картежные и другие игры существуют в чрезвычайной степени на промыслах между рабочими; большая часть из них проводит за ними все свободное время и все ночи. Плуты, пользуясь простотой прочих, вырывают у них все заработанные деньги. Промышленники уже испытали невозможность прекратить эти игры» (л. 25). Не лучшую картину представляло и время роспуска рабочих с приисков – это походило на «общие празднества иступленных, между которыми увлекаются и самые крестьяне. Это время, посвященное разврату, делается тоже сроком преступлений и многих других несчастных случаев» (л. 28–29). По свидетельствам более позднего времени, в Енисейском округе «народ развратился и затем попал почти в кабалу» [5, с. 9]. То же самое происходило и в Минусинском округе: «Сбыт произведений увеличился, как усилилась и порча патриархальных нравов» [15, с. 143]. Выходило, что «капиталами, разливаемыми промышленниками», пользовались «одни лишь винные откупа» (л. 29) – по выражению В.А. Ламина, «приисковые рабочие служили своеобразным передаточным звеном в обороте капиталов между золотодобычей и виноторговлей» [1, с. 90].

Еще одно крайне негативное явление в золотопромышленности было связано с распространением вызванных алчностью и завистью злоупотреблений среди «опьяненных запахом золота» золотопромышленников. К числу таких злоупотреблений относились: несоблюдение правил ведения поисков золота и регистрации открытых залежей, незаконный захват новых площадей через подставных лиц. Под последними понимались те, кто не обладал капиталом, но имел привилегии в пользу других промышленников, – для этого жены, или самые близкие родственники некоторых золотоискателей получали права на ведение поисков золота отдельно от своих мужей и родных. Члены многочисленных золотопромышленных товариществ, делая открытия, имели от своих компаньонов доверенности, по которым можно было регистрировать на них смежные прииски. В результате получалось, что из-за «завистливого соперничества... редко можно встретить, чтоб заявленные речки были разведаны, отмечены и описаны положительно, как следует; мало случалось, чтоб с уведомлениями об открытиях представили знаки с добытого золота, образчики пласта и пород, заключающих россыпь... Но смелые промышленники заявляли прииски, не быв на местах, основывая свои открытия на одних показаниях вожжаков... или других людей, обнимая в одно объявление целые пространства, включая в него такое количество речек, что в показанное время, с употребленными средствами они не успели бы не только разведать заявленные прииски, но даже проскакать названные ими открытия...» (л. 8–8 об.). Число выдаваемых свидетельств на право поиска золота каждый год стремительно возрастало: с 1827 по 1834 г. в Восточной Сибири было выдано всего 29 таких свидетельств, а в 1835–1837 гг. – уже 148. Летом 1837 г. только по Канскому и Нижнеудинскому округам «разъезжало до трехсот розыскных партий» (л. 2). Открытий золота стало до того много, что возникла острая проблема обеспечения приисков рабочей силой и припасами, так что министру финансов пришлось на один год прекратить выдачу новых дозволений на право ведения поисков золота (л. 5).

Все эти злоупотребления вели к тому, что «успехи в золотоискании» стали зависеть больше «от смелых уловок, нежели от употребленных капиталов и трудов» (л. 12). О том, что при добыче золота зачастую нравственность отступала на второй план, говорят и слова другого современника – В.Д. Скарятина, который сам занимался золотопромышленностью в Енисейской губернии. Он, в частности, считал, что «такие золотопромышленники, как Мошаров, Попов, Рязанов, Кузнецов, Федор Соловьев... и многие другие представляют особенный тип, совместивший в себе русскую удаль с английской настойчивостью; недоставало им только немецкой аккуратности! Когда наступит ее время, история расскажет также немало истинно подлых дел и объяснит, на сколько они вредили золотому промыслу и краю» [4, с. 196–197].

Не способствовала законному развитию золотопромышленности и слабая осведомленность централь-

ных властей о положении дел в отдаленных уголках, затерянных среди бескрайней сибирской тайги. Автор указывает, что правлению Алтайского горного округа, в который входили Томский, Ачинский, Минусинский округа, удалось на корню пресечь многие неурядицы в золотопромышленности. В гораздо худшей ситуации оказалось Главное управление Восточной Сибири: «Здесь начальство, несмотря на беспрестанные жалобы и на разные представления о происходящем, ничего не предприняло против изворотливых золотоискателей, предоставило им полную свободу захватывать места и утверждало их владельцами неправильно присвоенных приисков» (л. 7 об.–8).

Негативное влияние золотопромышленности на жизнь сибиряков выражалось и в росте социальной напряженности в регионе. С самого начала массовой разработки золотых приисков стали возникать конфликты между золотопромышленниками и нанимаемыми ими рабочими. Для подавления вспыхивавших то и дело бунтов на прииски посылались казачьи команды «с орудиями артиллерии», действовавшие не всегда успешно. В «Наблюдениях...» сообщается о выступлении рабочих в Томском округе, когда «восставшие по пустым претензиям на своих хозяев» оказали сопротивление присланным для их усмирения казакам (л. 26). В свою очередь золотопромышленники ставили в вину рабочим неявку на работу, побеги и другие проступки. Во второй половине XIX в. золотопромышленники Енисейского округа подали в правительство «Записку о положении рабочего класса на золотых промыслах», в которой они жаловались на злоупотребления со стороны рабочих. Эти злоупотребления заключались в обычае брать при найме на золотые промыслы денежный задаток, в найме больных и увечных с подложным описанием примет, в побеге рабочих с приисков¹. В 1830-х гг. некоторые золотопромышленники подумывали о том, что лучше привозить рабочих для своих приисков из губерний европейской части страны, чем пытаться ладить с трудно управляемыми сибирскими ссыльнопоселенцами. Однако эти проекты были, конечно, едва ли выполнимы – как показывают подсчеты С.Ф. Хроленка, в 1860–1870-х гг. на жителей Центральной России приходилось лишь от 5,6 до 17,5 % в составе рабочих на приисках Енисейской губернии и значительно меньше в более восточных районах Сибири [12, с. 261–264].

Выход из создавшейся кризисной ситуации в восточносибирской золотопромышленности автор «Наблюдений...» видел в четком регламентировании прав и обязанностей золотоискателей: прекращении выдачи привилегий на золотоискание, введении временного запрета на новые поисковые работы, ограничении числа приисков, которыми могла владеть каждая отдельная компания или частное лицо, установлении строгих взысканий для нарушителей правил ведения золотодобычи (л. 16), подчинение ссыльных «надежным средствам управления» (л. 28).

¹ Енисейский городской архив. Ф. 6. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–4 об.

Таким образом, современники не были пассивными зрителями охватившей Сибирь золотой лихорадки. Как видно на примере одного из самых ранних очерков о развитии золотодобычи в регионе – «Наблюдений за общим ходом частной золотопромышленности по Восточной Сибири» неизвестного автора – многие из них хорошо осознавали все выгоды и недостатки, которые открытие золота несло жителям региона, и предлагали свои пути для решения возникавших в связи с этим экономических и социальных проблем. Среди негативных последствий открытия золота современники обращали внимание на упадок традиционных ремесел и промыслов, спаивание населения и порчу нравов, проявление алчности в самой грубой форме, рост социальной напряженности. При этом главная трудность, которую требовалось преодолеть, заключалась в несовершенстве самой человеческой природы: жадности и эгоизме золотопромышленников, нравственной порочности рабочих-ссыльнопоселенцев, склонности быстро перенимать все негативные поведенческие стереотипы сибиряков-старожилов. Выход из создавшейся ситуации виделся в умелом администрировании – издании таких законов, которые не давали бы возможности проявиться низменным свойствам человеческой натуры, а, напротив, способствовали бы раскрытию лучших качеств личности. Однако, как показывает исторический опыт, добыча золота всегда действовала разлагающе на вовлеченных в нее людей, – относительно благополучным в этом отношении периодом можно назвать переход золотодобычи под жесткий контроль государства при советской власти. Как свидетельствуют приведенные в статье мнения непосредственных участников событий, понимание необходимости введения строгого централизованного регулирования этой важнейшей отрасли добывающей промышленности появилось уже на начальном этапе ее развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ламин В.А. Золотой след Сибири. Новосибирск, 2002.
2. Карпинский М.М. О золотоносных россыпях // Горный журнал. 1840. Ч. 1, кн. 1. С. 1–40.
3. Соловьев С.Ф. Горный журнал. 1861. Ч. 3, кн. 7–9.
4. Скарятин В.Д. Заметки золотопромышленника. СПб., 1862. Ч. II.
5. Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. Т. 1, 2.
6. Латкин Н.В. Очерк Северной и Южной систем золотых промыслов Енисейского округа. СПб., 1869.
7. Боголюбовский И.С. Золото, его запасы и добыча в русской золотоносной формации. СПб., 1877. С. I–XVI.
8. Баркова А.И. Воспоминания о сибирской золотопромышленности // Сибирский сборник. СПб., 1887. С. 168–186.
9. Уманьский А. Золотой город (очерки истории золотопромышленности в Енисейской тайге). СПб., 1888. С. 7–18.
10. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т. 1, 2.
11. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии: машинописный вариант. – Енисейский краеведческий музей.
12. Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917): историко-экономический очерк. Иркутск, 1990.

15. *Комлева Е.В.* Красноярские купцы на иркутском рынке в первой трети XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. Вып. 1. С. 18–24.

16. *Шахеров В.П.* Формирование городской среды Байкальской Сибири в XVIII – первой половине XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2013.

17. *Ватин В.А.* Город Минусинск: исторический очерк. Минусинск, 1922.

18. *Гагемейстер Ю.А.* Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. I.

19. *Спутник по городу Красноярску.* Красноярск, 1911 (переизд. 1995 г.).

20. *Воробьев В.В.* Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки XVII – первой половины XIX в.). Иркутск, 1959.

21. *Экономическое состояние городских поселений Сибири.* СПб., 1882.

*Статья поступила
в редакцию 31.01.2013*

УДК 94(47+57).084.3+084.5

А.А. НИКОЛАЕВ

РАЗВИТИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ МАСЛОДЕЛИЯ В СИБИРИ В 1920-е гг. В КОНТЕКСТЕ КООПЕРАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
Новосибирск
e-mail: agronicol@gmail.com

В статье раскрывается кризисное состояние материально-технической базы сибирского кооперативного маслоделия в 1920-е гг. Доказывается, что модернизация маслоделия на основе государственных кредитов обесценивалась в силу бесхозяйственности в использовании заемных капиталов, нерационального размещения новых маслозаводов, чрезмерного финансового перенапряжения системы молочной кооперации и снижения стимулов крестьянства к сдаче молока на заводы.

Ключевые слова: нэп, кооперативная политика, Сибмаслосоюз, Сибирь, маслоделие.

Вопрос о состоянии и развитии материально-технической базы промышленного маслоделия в Сибири в условиях нэпа до сих пор не являлся предметом специального исследования. А между тем рассмотрение истории маслодельной кооперации – гордости дореволюционной Сибири – с точки зрения ее технической вооруженности позволит пролить свет на ключевой вопрос: в какой степени маслозаводы и их инфраструктура деградировали под воздействием разрушительных войн и насколько эффективной оказалась кооперативная политика периода нэпа по преодолению кризиса?

Не вызывает сомнения, что деградация маслоделия в начале 1920-х гг. являлась прямым следствием разрушения производственной базы, которая в течение 1915–1922 гг. практически не обновлялась. Обветшали производственные постройки. Из-за развернувшихся военных действий прекратился импорт зарубежного оборудования. Вместо отслужившей свой срок металлической посуды стала использоваться деревянная, не отвечающая санитарным требованиям. Для полноценной модернизации материально-технической базы маслодельной промышленности в обескровленной стране

отсутствовали необходимые ресурсы. Острый дефицит строительных материалов, металла, топлива не позволял осуществлять даже текущий ремонт. В отчете отдела заготовок Томского губпродкома за январь – февраль 1921 г. отмечалось, что маслодельные и сыроваренные заводы не обеспечивались в нужном объеме оконным стеклом, кирпичом, гвоздями, известью. Отсутствовали сорта железа, необходимые для изготовления новой молочной посуды и котлов (листовое, луженое, полосовое и котельное), остродефицитным было олово. Полуразрушенные объекты инфраструктуры (льдохранилища, пристани, стационарные приемные пункты, временно приспособленные помещения) сдерживали заготовку льда и приемку масла¹.

Собственные затраты сельскохозяйственной кооперации на приобретение нового оборудования носили символический характер. В конце марта 1923 г. в Новониколаевск из Москвы поступила первая партия принадлежностей молочного хозяйства: 3 маслобойки, 2 маслообработника, 50 ареометров, 175 термометров, 70 комплектов пипеток, 200 шт. полутораведерных ушатов, 100 шт. трехведерных ушатов, 100 молочных весов, а из Владивостока – 5 тыс. комплектов буковой клепки – дощечек бука, из которых составлялись боч-

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00105а.

¹ РГАЭ. Ф. 812. Оп. 1. Д. 123. Л. 27.